

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ИДЕЙ НИКОЛАЯ РОЗОВА

Сыров Василий Николаевич,
*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой онтологии,
теории познания и социальной философии
Томского государственного университета,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
narrat@inbox.ru*

Аннотация

Предпринят анализ идей, выдвинутых в статье Николая Розова. Подчеркивается согласие с предложенным автором разделением философии на «туземную» и «провинциальную». Обосновывается тезис об общей провинциальности отечественной философской традиции. Предполагается, что такое положение дел отражает структуру функционирования исследовательского сообщества в целом и позволяет разумно определить свое место в международном «разделении труда». Отмечается, что в поиске оригинальности и своеобразия сибирской философии для прояснения собственной исследовательской идентичности мог бы помочь опыт постколониальных исследований.

Ключевые слова: сибирская философия, провинциальная философия, туземная философия, постколониальные исследования.

Библиографическое описание для цитирования:

Сыров В.Н. Некоторые соображения по поводу идей Николая Розова // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 1, ч. 1. – С. 62–66. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-62-66.

Можно было бы отреагировать на статью Николая Розова одним тезисом: нет философии туземной и провинциальной, есть просто плохая и хорошая философия. Но это не проясняло бы вопроса о причинах существования как плохой, так и хорошей философии, не говоря уже о дискуссиях по поводу того, что считать хорошим, а что – плохим. Полагаю, что статья Розова, помимо прочего, является попыткой ответа на подобного рода вопросы.

В классификации отечественной философии на «туземную» и «провинциальную» полностью согласился бы с автором. В оценках, скорее все-

го, тоже. Полагаю, что «туземная» российская философия зациклена по большей части на пережевывании советского наследия (догматизированного или вульгаризированного марксизма) либо на плохо переваренной русской философии. Есть еще любители создания систем мироздания, притязающие на построение всеобщих онтологий. В таком плане перспектив у «туземной» философии не вижу никаких. Единственное, в чем можно увидеть какие-то оправдания для ее существования, так это тезис о неукорененности философии не только в Сибири, но и в России в целом. Философия (впрочем, как и все остальное) была в Россию привнесена извне, и потому для российского духа она в принципе вторична по тематике, проблематике, методологии и т. д.

Если это так, то рискну выдвинуть следующие утверждения. Во-первых, «провинциальность» (в указанном Розовым смысле) может быть распространена на интерпретацию всего отечественного философствования, а не только сибирского. Тексты, идеи, авторы, интегрированные в «западную» традицию, потому и были интегрированы, что либо продолжали и развивали ее, либо, говоря постмодернистским языком, отскакивали от традиции.

Во-вторых, не вижу ничего криминального в работе по восприятию и комментированию так называемой «западной» философии. Такой подход вытекает из принципов организации работы современного исследовательского сообщества. Кстати, в этом плане современное философское сообщество организовано и функционирует так же, как и всякое другое научное сообщество. Поэтому все мысли о «жизни в бочке» и индивидуальном философствовании можно оставить для истории философии и маргинальных (по мыследеятельности) субъектов. В оправдание тезиса о провинциальности отечественной мысли замечу, что и на Западе не так много оригинальных мыслителей и идей. Остальное сообщество, как правило, занято их трансляцией, интерпретацией, адаптацией и т. д. Функционирует такая система, судя по всему, по принципу моды. Некто выдвигает идею, остальные начинают ее обсуждать до тех пор, пока это не утратит всяких остатков смысла. Потом сообщество набрасывается на новую идею, и цикл повторяется.

Ничего плохого в этом не вижу. Кропотливое и скрупулезное продумывание и прорабатывание (уточнение, прояснение, углубление, расширение и т. д.) пусть и чужих идей – вполне нормальный рабочий процесс. Считаю, что в этом плане нам не стоит гнаться за журавлем в небе; лучше довольствоваться синицей в руках, т. е. повышать планку такой работы – как говорится, хорошо делать свое дело. Это важная и наполненная смыслом работа и, кстати, более реалистичная цель. Капля, как известно, камень точит. Лучше заниматься таким делом, чем тратить свое время на «тузем-

ные» раскопки. В этом плане вижу существенный вред, наносимый «туземной» философией студентам и новым поколениям преподавателей.

К тому же благодаря современным средствам коммуникации «тиражировать западные традиции» можно напрямую, без посредников в лице Москвы и Санкт-Петербурга. Хотя необходимости развивать и расширять сферу контактов – как опосредованных, так и непосредственных, как внутри страны, так и за ее пределами – это не отменяет. Впрочем, это вопрос тактики: как это эффективно делать при наличии малых ресурсов.

Что касается оригинальности – бесспорно, это сверхзадача. Бесспорно, что у Сибири здесь есть потенциал. Бесспорно, что свое собственное лицо у философов Сибири тоже есть. По крайней мере, коллеги в общении отмечают некоторые специфические черты, присущие как продукции, так и людям. Можно заметить то же самое по отношению к коллегам из других регионов. Вопрос в том, чтобы отразить эту оригинальность (кто мы, куда мы и зачем мы, чем мы отличаемся от питерцев, москвичей, екатеринбуржцев, что следует у себя актуализировать), чтобы продвигаться дальше.

Выскажу некоторое частное соображение по поводу перспектив развития сибирской философии. Рискну утверждать, что стоит приветствовать попытку Розова конкретизировать возможное направление таких перспектив. Задача неблагодарная, но нужная. Попробую внести свою лепту в это начинание.

Возможно, что для таких вторичных сообществ, как наше, мог бы пригодиться опыт постколониальных исследований или так называемый «деколониальный поворот» [1]. Это не требование, а пожелание, и оно касается по большей степени изысканий, которые проходят по ведомству социальной философии и сопряженных с ней областей философского знания. Речь идет об опыте обретения собственной идентичности, а не о буквальном копировании тематики и проблематики, не о языке, оперирующем оппозициями типа угнетаемый/угнетатель или колонизатор/колонизируемый, и не об интерпретации отношений центра и периферии. Дело скорее в постановке вопросов: как нам описывать природу и перспективы собственного общества и культуры (Сибири, в частности), насколько здесь приемлем язык, выработанный западной цивилизацией для решения собственных проблем, как интегрировать свой опыт в опыт международный и т. п.

Надо честно признать свою вторичность и периферийность. Как отмечалось выше, это касается не только Сибири. Речь, конечно, не о конкретных работах конкретных людей, а об отечественном философствовании в целом. Возможно, это позволит корректно и без излишних амбиций ставить и обсуждать вопрос о своеобразии как объекта, так и метода (языка описания) изучения.

Возможно, что такой путь мог бы стать основанием для определения объекта исследования и рефлексии по поводу методологии (эпистемологии) и одновременно основанием для диалога между ними. Это могло бы стать основанием для смычки «туземной» и «провинциальной» философии. Как раз марксизм, которым занималось и обязано было заниматься советское исследовательское сообщество и который фактически превратился к настоящему времени в достояние «туземной» философии, вполне мог бы стать одним из возможных условий для прояснения собственной исследовательской идентичности и своего своеобразия. В постколониальных исследованиях он остается одной из приемлемых и востребованных методологий. Но этот поезд для нас, видимо, ушел.

Кто-то мог бы утверждать, что всё это напоминает поиск русской идеи. Возможно. Но, как представляется, проведение такой аналогии сродни попытке трактовать конструктивизм как проявление субъективного идеализма или интерпретировать дискуссию конструктивизма и реализма как соотношение субъективного и объективного.

Предлагаемый путь мог бы повысить самооценку собственной работы, представив ее как выражение автономии и своеобразия. Понятно, что такая работа нужна в первую очередь нам самим. Мы нуждаемся в понимании природы нашего общества. Возможно, что это отдалит нас от мировых исследовательских трендов. Но, с одной стороны, никуда не опаздывает тот, кто никого не догоняет. С другой стороны, предложенный путь мог бы стать хорошим основанием для синтеза «западной» мысли и отечественной специфичности и прояснением вопроса о том, как, где, в чем такой синтез мог бы иметь место. Как справедливо отметил Александр Дмитриев, обсуждение российских социальных теорий должно сфокусироваться на поиске общего пространства для коммуникации, которая является интегральной частью интернациональной социальной науки [2, р. 164]. Эта мысль вполне правомерна и для сибирского региона.

Литература

1. *Тлостанова М.* Колониальность переживет колониализм // Theory&Practice: web-сайт. – 2015. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (дата обращения: 13.02.2020).
2. *Dmitriev A.* Contemporary Russian Social Theory // Handbook of Contemporary European Social Theory / Ed. by G. Delanty. – Abingdon; New York: Routledge, 2006. – P. 153–165.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-62-66

SOME REMARKS ON N. S. ROZOV'S IDEAS

Syrov Vasily,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Head of the Ontology, Epistemology and Social Philosophy Department,

Philosophical Faculty, Tomsk State University,

36 Lenina Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

narrat@inbox.ru

Abstract

The author analyses the ideas considered in N. S. Rozov's paper. He agrees with the division into two types of philosophy: "indigenous" and "provincial". The author affirms that the Russian philosophical tradition as a whole has a provincial character. He believes that this state of affairs characterizes the way the research community functions and allows us to find our place in the international "division of labor." It is noted that the experience of postcolonial studies could help in the search for originality and identity of Siberian philosophy.

Keywords: Siberian philosophy, "provincial philosophy", "indigenous philosophy", postcolonial studies.

Bibliographic description for citation:

Syrov V. Some Remarks on N. S. Rozov's Ideas. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 1, pt. 1, pp. 62–66. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.1.1-62-66.

References

1. Tlostanova M. Kolonial'nost' perezhivet kolonializm [Coloniality Will Survive Colonialism]. *Theory&Practice*: website. Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/8258-madina-tlostanova-o-dekolonialnom-povorote> (accessed 13.02.2020).
2. Dmitriev A. Contemporary Russian Social Theory. *Handbook of Contemporary European Social Theory*. Ed. by G. Delanty. Abingdon, New York, Routledge, 2006, pp. 153–165.